

Пролог

Единственное, что *он* когда-либо испытывал в своей жизни — это голод.

Мучительное, безудержное притяжение к чему-то далекому и запретному, словно стремление восполнить давнюю утрату. Когда у него появилось тело, все стало только хуже: прибавились урчание в желудке, отвергающем растительную пищу, утомительное сосание под ложечкой и ночной скрежет зубов, которые переставали ныть лишь тогда, когда вонзались в сырое мясо. Ему приходилось охотиться на белок и кроликов, чтобы хоть как-то насытиться, и в конце концов в лесу не осталось дичи.

В первый день месяца благозвучия он наконец-то обрел лицо. Это случилось в кленовой роще у лона Танцующей реки, где кусты ломились от спелых ягод, собирая стаи пронырливых синиц. Вместе с птицами ягоды манили к себе и путников. Одним из них оказался юноша, только познавший необходимость бриться каждое утро и прелести женской ласки, чернявый и расцелованный солнцем на румяных щеках. Юноша держал в руке серп, которым срезал по пути стебли вереска для летней ярмарки, и размахивал им, когда пытался защититься. То была вынужденная мера, а не прихоть. Все же кувшин не смастерить, пока не раздобудешь глину.

Когда он наконец сумел перекроить сворованное лицо и сделал из него собственное, то стал потихоньку заглядывать в поселения людей. Слушал, запоминал и учился, как быть одним из них — как *притворяться*, будто ты один из них. Так он вспомнил: утрата, оставившая после себя пу-

стоту, которую он теперь тщетно пытался заполнить чужой плотью, действительно случилась с ним однажды.

Ее светлый кукольный лик приходил к нему в том, что люди называют снами. Он знал о ней все и даже больше. Ей нравились мужчины, а не женщины — и потому он слепил себе облик мужской. Ей нравилось сильное, но легкое телосложение, жилистые руки с темными когтями и улыбка, обнажающая заостренные зубы — и он стал таким. Даже волосы превратились в сверкающий жемчуг, отливающий перламутром при свете дня, лишь бы она тоже перебирала их в пальцах. Единственное, что у него не получалось повторить — солнечный янтарь глаз. Даже когда он украл глаза чужие, это не сработало. Столько попыток и времени, потраченного впустую... А они все оставались неизменными — красными, как кровь, что его породила.



6

Он хотел иметь не только лицо, но и имя, однако не знал, как люди получают его. Выбирают сами? Заслуживают? Просят придумать других? Все еще безымянный, он скитался по деревням и туатам, о которых не знал ничего, кроме того, что они могут его накормить. Голод не утихал, поэтому ему пришлось начать питаться людьми. Он старался есть помалу, дабы не привлекать к себе внимания, пока не окрепнет: один-два, максимум три удачно встреченных на дороге странника зараз. Этого ему вполне хватало, чтобы продержаться хотя бы еще неделю.

Ах, как хорошо жилось раньше! Когда он мог становиться невидимым и путешествовать по миру на паре с ветром. Теперь же за ним тянулся след из костей и гнилых плодов. Почва покрывалась сухими трещинами, будто десять лет не знала полива, а урожай не всходил, начиная гнить от самых корней. Земля под ним умирала.

— Так вот кто губит мои посевы.

Он знал, что однажды его заметят, но не смел и надеяться, что это сделают сами боги. В тот миг, когда они встретились, костер убаюкивающе трещал под крышей развалившейся хибары, от которой годы оставили лишь пару покосившихся стен. Тени от огня плясали на них, завораживая. Он мог любоваться ими часами, и это была одна из немно-

гих вещей, способных отвлечь его от проклятия вечного голода.

Появление незваной гостии за спиной, впрочем, справилось не хуже.

Несмотря на то что гостия эта выглядела как хрупкая девочка тринадцати лет с пестрыми лентами в кудрявых волосах, от нее исходила такая сила, что он непроизвольно встал и попятился. Раньше ему был неведом холод, но теперь, когда он обрел тело, озноб преследовал его почти постоянно, даже в летний зной. Он закутался плотнее в свою шаль, завидуя тому, что девочке хватает ее белоснежного платья из тонкого льна. Маленькие босые ступни не оставляли на земле следов, а странная непропорциональная тень, лежащая за ее спиной, напоминала плащ, которого не было.

Зато на девочке была кроличья маска из червонного золота.



— Я знаю, что ты такое, — сказала Кроличья Невеста, олицетворение юности, добродетели и детских проказ. Если под его поступью все живое гибло, то под ее — расцветало. — Тебя не должно быть здесь. Тебя просто *не должно быть!* Жизнь в твоих руках умирает, потому что жизни нет в тебе самом. Ты обманщик, перемешник, что вторит чужими голосами. Однако... Я не хочу тебя уничтожить. Я верю, что даже яд бывает полезен в малых дозах, ибо не зря сама жизнь имеет отражение в лице смерти. Поэтому дарю тебе шанс. Уйди туда, где нет людей и нет богов; туда, где от тебя вреда не будет больше; где таких, как ты, полно. Прошу, в *Междумирье* уходи и упокойся.

Никто и никогда не разговаривал с ним так мягко, кроме той, кого он потерял в час своего рождения. И то, что должно было быть сердцем, защемило у него в груди... Но не заставило сомневаться. Ведь голод говорил с ним ежечасно, а маленькая девочка с кроличьей душой — всего одну минуту.

— Не уйду, — ответил он, проглатывая вязкую слюну, бессознательно скопившуюся во рту.

В ночи послышалось мелодичное пение пастушьей флейты — это Кроличья Невеста выдохнула теплый летний воздух с запахом малины и ромашковых соцветий.

— Тогда прости, — произнесла она, стоя неподвижно, и та странная тень, которую Кроличья Невеста отбрасывала даже вдали от отблесков костра, вдруг обрела иную форму. Густая, как смола, тень собралась и, став осязаемой, вложилась в ее узкую ладонь длинной наточенной косой. — Я не желаю тебе зла, но его другим желаешь ты. Так будет одно зло от другого защищать.



Когда девочка говорила, под ее персиковой кожей перекачивался искристый свет. «Интересно, какой у него вкус?» — подумал он, и слюны на языке стало в два раза больше.

Когда Кроличья Невеста обрушила на него свою косу, он впервые почувствовал что-то кроме изматывающего голода. То был страх, пришедший следом за болью, когда лезвие разрезало ему грудь. Однако внутри он был абсолютно полым — ровно настолько же, каким и чувствовал себя все это время: наружу не просочилось ни капли крови! Но едва ли даже фигурке из дутого стекла охота умирать. Любить жизнь может и тот, кто никогда не жил вовсе.

— Вернись! Прочь от растений!

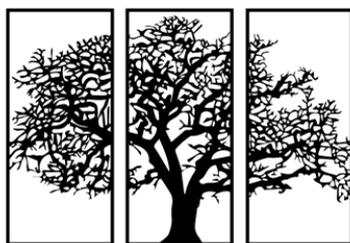
Он не понимал людей, но еще больше, оказывается, не понимал богов. Ибо как понять существо, переживающее даже в разгар битвы об осыпающейся коре деревьев и рыхлящей земле, а не о том, что жертва его пытается бежать? Он ведь уже перепрыгнул руины стен и устремился к лесу, надеясь спрятаться...

Увы, на самом деле Кроличья Невеста вовсе не была олицетворением невинности и целомудрия, благословляющей бедняков и новорожденных. Она была стихией, природой в теле ребенка, неугомонной, резвой и милостивой, но суровой к тем, кто пытался нарушить ее священный баланс. Невеста двигалась быстрее, чем мог он, еще не окрепший. Юркая и пряткая, она действительно походила на кролика, стайка которых подглядывала за ними из лесной темноты.

Что будет, если он съест их всех? Это усмирило бы его голод хоть ненадолго? Дало бы шанс встретиться с другой половиной его души? А что, если...

Кроличья Невеста выросла на кромке леса прямо перед его носом и занесла над головой косу. Сощурившись от ее искристого света, он решил больше не уворачиваться. Протянул руку, коснулся ее в ответ...

И вскоре одного из четырех божеств не стало.



1

Благие гости и дурные вести

В нашем мире сердцами людей правит четверка богов. Однако как бы милосердно не было их правление, иногда сердца все равно разбиваются.

Почти половина Колеса года минула с тех пор, как тело короля Оникса Завоевателя отправилось вплавь по реке на горящем драккаре, но он по-прежнему являлся ко мне во снах, гордо восседающий на своем гранитном троне. В левой руке его лежал меч из обсидиана, и в лезвии отражалось мужественное лицо, еще не разъеденное хворью и возрастом. Я верила, что так отец говорит со мной: все в порядке, можно более не тревожиться ни за его рассудок, ни за его душу. Прямо сейчас он пирует с мамой в сиде, и там их счастье льется рекой, точно мед из посеребрённых кубков.

Эти сны были единственным, ради чего я ложилась спать, пускай после каждого из них я и просыпалась в слезах.

Цварк. Цварк, цварк!

Когда подушка в очередной раз сделалась мокрой, я открыла глаза и села на постели. В этот раз в моем сне был не только отец, но и что-то красное, по-змеиному скользкое, вызывающее ощущение чужеродного присутствия и вторжения... Пальцы по привычке потянулись к изголовью, ища рунический став¹ от бессонницы и кошмаров, пока я не вспомнила, что никаких рун здесь нет — кровать-то не моя.

¹ Ста в — руническая формула, оказывающая определенное воздействие или эффект (Здесь и далее прим. автора).

Башня Соляриса, прежде напоминающая амбар с залежами трухлявой мебели, отныне выглядела куда чище и наконец-то походила на людскую спальню. Истрепанный и изъеденный молью балдахин сменили полупрозрачные занавески из тафты, а сломанные стулья и тумбы переехали в дальний конец комнаты, освободив достаточно пространства, чтобы раскинуть по центру медвежьей шкуры. Воздух в башне тоже посвежел: с тех пор, как я повадилась ночевать здесь, Солярис приучился проветривать комнату по несколько раз в день. То был редкий жест его заботы, как и объятия чешуйчатого хвоста, коим он окольцовывал меня во сне, притягивая ближе. Правда, сейчас половина постели Сола пустовала, холодная, а одно из окон, распахнутое настежь, со скрипом раскачивалось. Вряд ли для того, чтобы впустить свежий воздух — скорее, чтобы кого-то *выпустить*.

Цварк!

Так вот что меня разбудило на самом деле: все не дурной сон, а ходящая ходуном крыша и черепица, сыплющаяся из-под драконьих когтей.

— Моря иссохнут, города сровняются с землей, горы развеются прахом по ветру, ибо ничто не вечно... Кроме Соляриса и его привычки делать все наперекор, — протянула я саркастично, когда наконец-то растерла заспанные глаза и разглядела Сола, юркнувшего через окно обратно в башню и усевшегося у меня в изножье. — Я же просила тебя не карабкаться по крышам! Мы еще прошлые пробоины не залатали. Знаешь, каково выслушивать стенания Гвидиона о потерях казны по четыре часа в день?!

Солярис оставил это замечание без ответа, равно как и все предыдущие. Едва ли ему было хоть какое-то дело до состояния казны, а уж тем более до Гвидиона с его фанатичной бережливостью: тот всегда хватался за сердце и пророчил Дейдрре скорое разорение, едва находились траты больше, чем стоили крестьянские сапоги. Иногда мне казалось, что Солярис специально изводит его, подкидывая казначеям побольше счетов. Вот и сейчас он лишь усмехнулся и молча приложил ладонь к моему лицу, пока я не вспомнила, какое оно мокрое, и не попыталась отвернуться.



Его когти безболезненно царапнули меня по щеке вслед за солеными каплями, высыхающими на коже.

— Вставай, — сказал Сол тихим, вкрадчивым тоном, и я уж было подумала, не стряслось ли чего, как он тут же добавил: — Погода на улице отличная.

Глаза Соляриса горели ярко, точно рассветное зарево за стрельчатым окном. Небо только-только окрасилось тем же золотом, и первые лучи, как игривые дети, прыгали по углам комнаты, расписывая мрачные стены из серого камня летними красками. В этих лучах волосы Соляриса тоже начинали светиться, напоминая перламутровый шелк, в рубаху из которого он был одет. Широкий ворот с вырезом до ключиц приоткрыл верхнюю часть его безупречно белой груди, когда Сол склонил голову набок от моего вопроса:

— Что на тебя нашло? Сам же сказал, что в такой ответственный день мне нужно хорошенько выспаться...



12

— Не похоже, будто у тебя был хотя бы шанс на крепкий и здоровый сон, — парировал он, многозначительно кивнув на мою подушку, по которой расплзлись бесформенные пятна. Лучшее доказательство его правоты, как и мой протяжный стон. — И да, не забудь в этот раз перевязать руки.

Сол бросил мне на покрывало ленты из телячьей кожи, а затем потрепал меня по волосам, как дитя, и вскочил на подоконник. Оттолкнувшись, он сиганул в открытое окно — прямо туда, где отныне встречать восход мне нравилось больше, чем в постели.

В Столице, что распростерлась куда севернее прочих городов, месяц благозвучия всегда выдавался теплым, но в этот раз он превзошел сам себя и уже спозаранку душил туалет Дейдрре зноем. Впрочем, после месяца воя, который всегда оставлял за собою хворающих от воспаления легких детей и продавленные снегом крыши, даже жару Золотой Пустоши местные бы встретили с радушием. Да и плечи больше не ныли от тяжелых мехов и плащей, а кожа не трескалась от сухости и мороза — вместо этого ее покрывали бронзовый загар и пот. Последний собрался у меня по

спине, впитываясь в ткань подпоясанной мужской рубахи и таких же мужских штанов, стоило мне выйти из замка и догнать Соляриса. Вскоре вся одежда промокла и потяжелела. Ленты из телячьей кожи, туго затянутые вокруг ладоней, только усилили зуд на старых мозолях.

— Я драгоценная госпожа Рубин из рода Дейдрдре... Ауч!

Лезвие меча из нейманской стали скрестилось с драконьими когтями, черными, как агат, и высекло искры. Если бы не утренняя роса, осевшая на цветочных лепестках, трава бы вспыхнула, и прекрасное маковое поле перед Рубиновым лесом охватил бы пожар.

— Я драгоценная госпожа Рубин...

Дыхание сбилось от ударов, обрушивающихся на меня сверху, пускай они и были куда слабее тех, которые уже доводилось испытывать. В какой-то момент я кубарем покатила по земле, сбитая с ног, и едва не откусила себе язык, щелкнув зубами.

— Сдаешься? — спросил Сол, равнодушно глядя на меня сверху вниз.

— Нет! — К его раздраженному «Тц!» я снова вскочила на ноги, даже не отряхнувшись от прилипшей к коленям земли. — Я драгоценная гос...

Но не успела даже до середины предложения, как, не оставив мне шансов, Солярис снова ударил и швырнул меня на землю. Он никогда не церемонился. Уж коль дал обещание, то будет держать его до самой смерти.

«Хочешь овладеть мечом?» — спросил Сол несколько месяцев тому назад, когда Мидир бессовестно предал меня и раскрыл ему мой новый указ. — «Бесполезно искать учителя, никто не станет тренировать тебя. Знаешь, почему? Вспомни, что стало с твоей первой няней-весталкой. Как Оникс выбросил ее голышом на мороз за то, что та случайно чиркнула тебя по уху, когда стригла волосы. За время своего правления твой отец весь Круг заставил верить, что кровь вашего рода священна. Ни один мастер меча не осмелится поднять против тебя даже деревянную палку, покуда существует хотя бы мизерная вероятность лишиться за это головы. Так что твоим обучением займусь я сам. В конце концов, как го-



ворила Мелихор, в моей пустой башке нет ничего ценного».

Тогда мне пришлось сделать вид, будто я не понимаю, что именно движет Солярисом, еще со времен войны ненавидевшего и человеческое оружие, и подъемы ни свет ни заря. Не меньше его раздражало и мое стремление к физической силе, излишней, как он считал, для принцессы, которую защищает настоящий дракон. Мы оба знали, что глупости все это: предложи я кому угодно мешок с дейрдранскими изумрудами, коих в сокровищнице немерено, любой бы без раздумий исполосовал мне лицо, если бы я об этом попросила. Вот что являлось истинной причиной беспокойства Сола. Ведь только он, прожив больше семидесяти лет, — и больше двадцати из них рядом со мной, — точно знал, как повалить меня наземь, но при этом не оставить на теле ни одного синяка.



14

На рассвете маковое поле будто действительно загоралось, охваченное красно-розовым светом, как огнем. Проникая сквозь верхушки Рубинового леса, тот ложился узорами на перламутровую чешую, покрывающую руки Сола до самых локтей. Он был необычайно прекрасен в такие моменты. Ветер, несущий с собой сладость медуницы, сеял беспорядок в моем сердце так же, как и в его перламутровых волосах. Пряча выбритые виски и затылок, они открывали серьгу из латуни с изумрудным шариком на самом конце. Каждый раз серьга эта мелодично позвякивала, когда мне почти удавалось достать до шеи Сола острием меча.

— Плохо, — изрек Солярис, когда я в очередной раз споткнулась и ударилась копчиком о камень, затесавшийся в траве. Руки безвольно повисли вдоль тела, выпустив обоюдоострый меч с навершием из пяти лепестков и узорами черни — красивый, но невероятно тяжелый, хоть и выкованный Гектором специально по моим меркам. — Позор.

— Ты не очень-то воодушевляешь.

— Я сюда не воодушевлять тебя хожу. Где ты видела, чтобы сталь добрым словом закаляли? Вставай. Последняя

попытка. Если договоришь хотя бы до слов «дочь Оникса Завоевателя», то завтра попробуем клеймор¹.

Солярис был бдительным стражем и ласковым возлюбленным, но крайне строгим наставником. Его ханжество и высокомерие порой становились невыносимыми и вставали у меня поперек горла комом, который приходилось проглатывать вместе со слезами и усталостью. Вот опять я встала, поправила одежду и покорно подняла меч с промятых маков, не обращая внимание на болезненное сокращение мышц. Никакой боевой стойки, никаких правил и никакой пощады — Солярис учил меня драться так, как учат драконов, а не людей, за тем лишь исключением, что меня не защищала чешуя, а потому было в два раза сложнее увернуться.

— Хорошо, — кивнул Солярис одобрительно, когда я ушла с линии его атаки и наконец-то удержалась при этом на ногах.

Мы начали наши тренировки еще в месяц китов, когда эти прекрасные подводные создания рассекали Изумрудное море хвостами величиной с горные пики, проплывая под утесами замка. С окна можно было увидеть фонтаны блестящей зеленой воды и услышать дивное пение, не сравнимое ни с птичьим, ни с человеческим. Виланда, бывшая королевская вельва, рассказывала мне, что так пели старые божества, жившие на земле задолго до драконов и людей, пока не решили уступить им место и не ушли на морское дно. Каждый год я спускалась к побережью под руку с Маттиолой, чтобы взглянуть на их возвращение из неизведанных краев, где те пережидали зиму. Но в этом году все традиции вытеснились королевскими заботами, и я даже не помнила, чтобы слышала пение китов из замка хотя бы раз.

Все свое время мне приходилось посвящать делам девяти туатов, проблемы которых посыпались на мою голову после смерти отца, как перезрелые яблоки. Когда же выдавалась свободная минутка, — а выдавалась она лишь перед завтраком, на заре, — я бежала на маковое поле и упражня-



¹ Клеймор — большой двуручный меч.

лась, чтобы стать сильнее. История с Сенджу научила меня двум вещам: во-первых, наивность — худший из пороков; а, во-вторых, иногда одним умом врага не победить. Чтобы более не пришлось умирать, я решила, что лучше научусь, как заставлять умирать других.

И пускай Солярис до сих пор побеждал меня до того, как я успевала произнести свой титул до конца, я все равно гордилась своими успехами. Самым большим из них была длинная ссадина у Сола под подбородком: когда та зажила, он повторил ее на том же месте хной. Так Солярис хотел, чтобы я не забывала: коль смогла ранить его один раз, смогу и второй.

— Ты справишься, — произнес Сол вдруг, вновь отразив мой рубящий удар — прием, который я оттачивала всю прошлую неделю. Но говорил он вовсе не о нем. — Ты законная Хозяйка Круга. Ты в своем праве. Твой дом везде, а значит, все, кто здесь живет — всего лишь твои гости.



16

Дождаться ободрения из уст Сола было все равно что услышать то самое пение китов. Я захмелела от радости, но Солярис, решив не изменять себе, тут же добавил:

— То ли дело драконы... Вот с ними нам тяжело придется. По сравнению с Бореєм и новыми Старшими, ярлы не более, чем капризные дети.

— Ты их недооцениваешь, — буркнула я, отступая на пару шагов назад, чтобы перевести дух. Чем выше поднималось над горизонтом солнце, тем жарче становилось. До полудня было еще несколько часов, но казалось, что даже сталь моего меча начала плавиться. — Хускарлы видели, как я обернулась драконом в тот день, когда умер отец, и как ты убил меня. Слухи об этом гуляют по всему Кругу. Кем меня теперь только не кличут: и драконьим подменышем, и вельвой на троне, и самим Диким. Все будто забыли о Красном тумане и том, что это мы вернули им близких и спасли от гибели целый мир! Вот каков простой народ, Солярис, а ярлы являются его воплощением. Вдобавок, стоит им только узнать о моем желании снова заключить с драконами мир...

К моему удивлению, Солярис промолчал, и от этого мне стало вдвойне не по себе. Из-за последствий Красного тумана, с коими требовалось разобраться в первую очередь, мы и так слишком долго откладывали *сейм* — ежегодный съезд самых важных господ континента, праздник единства, на котором ярлы доказывают свою верность короне и распивают крепленный мед из одного чана. Усядсья я на трон хоть тысячу раз, но не быть мне настоящей королевой, покуда не проведу благополучно хотя бы один сейм. Ведь столь обширные владения — что строптивая лошадь: и с тем, и с другим не справиться без крепких поводов. Отцу поводами служил страх, а моими, хотелось верить, должно было стать уважение.

В конце концов, уважение — это единственное, что восемнадцатилетняя девчонка при определенном раскладе способна вызвать у ярлов, помимо сочувствия и насмешки.

— Верно. Круг — мой дом, и как гостеприимная хозяйка я окажу ярлам такой прием, какой не оказывал ни мой отец, ни его отец, ни отцы их отцов, — прошептала я без тени сомнения, взвешивая меч в левой руке. Маттиола, назначенная моим новым сенешалем¹, уже две недели хлопотала на кухне над заготовками, а Гвидиону пришлось знатно разорить казну, дабы созвать в замок самых талантливых бардов, известных филидов и умелых факиров из Ши, способных заглотив живьем горящий факел и не умереть. У ярлов просто не оставалось шансов, кроме как впечатлиться моими стараниями и проникнуться ко мне симпатией. — Я заставлю их уважать и меня, и друг друга, а когда Круг полностью оправится от бед, причиненных Сенджу, я воззову к драконам и примирю наши народы. Ибо я королева Рубин из рода Дейдрре, которая...

Солярис двигался до того быстро, что его силуэт размылся у меня перед глазами. Руку ужалил острый гребень на конце извивающегося драконьего хвоста, и, как бы я не стискивала на рукояти пальцы, меч покотился по маковым зарослям.

Я зашипела от досады и рухнула на траву там же, где стояла.



¹ С е н е ш а л ь — управляющий королевским двором.

— Неплохая попытка, — похвалил Сол. — Возможно, уже через месяц ты наконец-то доберешься до части про Заоевателя. А сейчас нам пора возвращаться в замок.

Перламутровая чешуя растаяла на его коже, как таял снег с приходом месяца синиц, а еще через несколько минут исчез и хвост. За всю тренировку на одеждах Сола не появилось ни одной мятой складки. Лицо тоже оставалось гладким, бледным и матовым. Казалось, ничто не способно оставить на Солярисе свой след — ни прожитые годы, ни жестокие сражения, ни сама судьба, какой бы тяжелой она у него не выдалась.



— Поднимайся же, ну, — закатил глаза Сол, когда я так и осталась сидеть на траве, опираясь локтями на грязные коленки. — Не будь ребенком.

Я и не пыталась им быть — просто мышцы, сведенные судорогой, отказывались подчиняться. Даже предвкушение прохладной ванны с лечебной солью и мятным маслом не прибавляло сил настолько, чтобы их хватило на что-то,

18

кроме заискивающего взгляда, брошенного мной на Сола из-под опущенных ресниц. Раздраженно поведя плечом, он наклонился, и руки его, вернувшие свою нежность, обхватили меня за плечи. Я затаила дыхание, с нетерпением ожидая, когда же окажусь на них и снова почувствую себя хрупкой, маленькой принцессой, которую убила во мне эта воинственная королева.

Но затем Солярис взял меня за шкуру, неаккуратно встряхнул и рывком поставил на ноги.

— Эй!

— Идем, сказал же.

Тени гнездились под кроной Рубинового леса, глядевшего нам вслед. И чем дальше мы от него уходили, тем сильнее становилось мое желание сбежать туда и снова потеряться, как когда-то в детстве.

Не только кухонные мастера во главе с Маттиолой были заняты подготовкой к сейму — каждый житель замка работал денно и нощно, прекрасно понимая, что стоит на кону. Повозки толкались у крепостных стен, а вокруг теснились пестрые шатры, разбитые до того плотно друг к другу, что обра-

зовывали лоскутное одеяло. Торговцы по цепочке катили бочки с вином ко входу в служебную бадстову¹, крестьяне разгружали продовольственные телеги, а из кузницы доносился ритмичный стук инструментов. Я не сомневалась, что где-то там Гектор подковывает очередную лошадь, прибывшую издалека и хромающую после местного бурелома. Мне очень хотелось его проведать, но купание и сборы занимали куда больше времени, чем тренировка и королевские советы вместе взятые. Особенно когда Маттиолы не было рядом и приходилось справляться в одиночку.

— Замок не рухнет, если попросить Маттиолу ненадолго отлучиться от дел и помочь тебе, — предложил Солярис, наблюдая, как я тщетно пытаюсь победить собственные волосы и заплести их так, чтобы спрятать в основание косы широкий красный локон, оставленный туманом на память. — Рубин... Хочешь, я попробую?

— Попробуешь заплести мне волосы? — переспросила я, недоуменно глянув на Сола в отражение зеркала.

Всю мою жизнь, сколько я помнила Соляриса, он старательно избегал любой работы и без всяких зазрений совести пренебрегал своими обязанностями там, где это не влекло вреда для моего здоровья. Тем не менее даже тогда его забота периодически становилась навязчивой. Теперь же он и вовсе топил меня в ней. Несмотря на огромное количество действительно важных дел, требующих его внимания в преддверии пира, он стоял здесь, у дверей купален, и давал мне советы по выбору одеяний.

Гадая, в чем именно дело — не в чувстве ли вины, вынуждающем Сола отводить глаза от пунцовых шрамов на моей груди, выглядывающих из-под выреза платья? — я повернулась к нему лицом. Солярис придирчиво рассматривал свои пальцы с когтями по пять дюймов каждый и что-то бурчал себе под нос, похоже, приняв мое удивление за отказ.



¹ Б а д с т о в а — помещение для слуг, где они спят, едят и работают во время службы.

— Нет-нет, я вовсе не против твоей помощи! Просто... Ты дочитал до десятого раздела «Памяти о пыли»? В Дейдрре мужчина всегда заплетает женщине волосы накануне их свадьбы, — поспешила объяснить я, пока его недовольство не превратилось в обиду, которую Сол умел таить так же хорошо и долго, как секреты. — Это древняя традиция. Если Маттиола узнает, что ты заплел мне косу, то еще долго будет подшучивать. Вдобавок за время нашего похода в Сердце я стала куда более... самостоятельной. Не хочу потерять навык.



— Так дело в традициях? — спросил Солярис, вскинув голову, будто услышал только это. — Они важны для тебя?

Я смутилась, не ожидая, что праздный разговор о прическах вдруг зайдет в столь деликатное, почти интимное для каждой дейдрреанской женщины русло.

— Ну да, пожалуй.

— Почему?

20

— Потому что отец учил меня чтить наследие предков, дабы оно продолжало жить. Кто и зачем станет уважать наши обычаи, если это перестану делать я? К тому же подобный свадебный ритуал еще и проверка: насколько бережно жених будет обращаться с волосами невесты, настолько же бережно будет обращаться по жизни и с ней.

— Хм.

Солярис оттолкнулся от дверного дола, к которому приваливался плечом все это время, подобрал с полки костяной гребень и подошел ко мне. Сначала в зеркале показалось его лицо, спокойное, но с каплей румянца на скулах, говорящего больше, чем слова — а затем отразились руки. Сол накрыл ими мой затылок и пропустил растрепанные локоны между пальцев, едва задевая когтями кожу головы. Нерешительность, с какой он уложил копну себе на ладонь, прежде чем пустить гребень в ход, резко контрастировала с его бескомпромиссностью на маковом поле.

Как один и тот же мужчина может столь жестоко резать врагов и столь же нежно расчесывать женщине волосы?